

Review Центральная Азия

«Роль Китая не может играть ни одна страна»

В интервью спецкорреспонденту „Ъ“ **Владимиру Соловьеву** руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги **Александр Габуев** поделился мнением о том, почему вслед за экономическим влиянием Китая в Центральной Азии его политическая и военная роль здесь неминуемо будет расти.

— интервью —

— Все привыкли, что зона острой геополитической конкуренции — это постсоветские страны, где есть ориентированные на Запад элиты: Украина, Грузия, Молдавия. В последнее время заговорили о перетягивании уже Центральной Азии. — Конкуренция на западе постсоветского пространства понятна и заметна, потому что это конкуренция между Россией и Западом. Сама география диктует лобовое противостояние между двумя игроками, у которых разные интересы и которые не могут пока найти формулу, как им сосуществовать.

В Центральной Азии есть два внешних игрока, которые могут иметь здесь комплексное влияние — экономическое, в сфере безопасности, в культурной сфере. Это Россия и Китай. Есть США, у которых интерес к региону есть, но он более тактический и узкий, чем об этом принято думать в Москве или в Пекине. Он прежде всего был связан сначала с распадом СССР и необходимостью обеспечить суверенитет этих стран, чтобы Советский Союз не возродился. Когда началась война в Афганистане, внимание США к Центральной Азии было связано с необходимостью логистически обеспечивать афганскую кампанию. США кажутся России и Китаю третьим игроком, который пытается влиять на ситуацию, но на деле возможности Запада конкурировать в Центральной Азии с Москвой и Пекином ограничены.

— Мне кажется или в Центральной Азии усиливается конкуренция между Россией и Китаем?

— Мы видим определенную эволюцию и изменение баланса сил. До середины 2000-х Россия была абсолютным доминирующим внешним игроком в регионе. С появлением глобального Китая, который превратился в потребителя буквально всех природных ресурсов, кроме рабочих рук, ситуация изменилась.

Китай заинтересован в ресурсах Центральной Азии, а для центральноазиатских стран Китай — рынок. Мы видим стимулируемый экономикой сдвиг в региональном влиянии. Россия становится все менее значимой, а Китай — наоборот. У российских компаний нет денег и возможностей развивать рудные и ресурсные проекты в Казахстане, в Киргизии. Российская экономика в рецессии сейчас и в стагнации начиная с 2013 года, во-вторых, у нас на своей территории есть проекты, на которые не хватает денег. Зачем добывать нефть или газ в Туркменистане, если надо свое продавать? А у китайцев эти деньги есть.

Поэтому Китай становится не только все более важным торговым партнером, но и инвестором, а вслед за этим и кредитором. У него столько денег, что он может давать льготные кредиты. И может действовать по более сложным схемам и говорить: давайте вы нам дадите лицензию на такое-то месторождение, а мы кредит вам дадим не только на освоение месторождения и закупку технологий, но и на бюджетную поддержку, допустим. Это комплексная экономическая экспансия, в основе которой взаимодополняемость экономик и национальный интерес и тех и других.

Уникальную роль Китая не может играть ни одна страна. Это важно понимать. Ты пытаешься поставить себя на место пяти центральноазиатских республик и думаешь: кому мы будем все экспортировать? Россия — прямой конкурент, Европа далеко, и не понятно, нужны ли будут Европе углеводороды через десять лет и по какой цене. А тут под боком страна с огромным растущим рынком, готовая строить инфраструктуру, платить все взятки, которые нужно, устраивать детей элиты в свои топовые вузы. По-

этому китайское экономическое доминирование в Центральной Азии неизбежно. В России нехотят признают, что экономическая конкуренция с Китаем в Центральной Азии проиграна, не начавшись. Мы не можем дать сопоставимый рынок этим странам. Единственная надежда на то, что мы сохраним ЕАЭС, что китайцы не будут пытаться его торпедировать изнутри и что внутри ЕАЭС возникнут совместные производства, цепочки добавленной стоимости.

— Можно ли уверенно говорить, что Китай не попытается раскатать ЕАЭС? Когда президентом Киргизии стал Садыр Жапаров, многие заговорили о его связях с Китаем и о том, что его приход к

власти — а это, напомню, случилось путем свержения президента Сооронбая Жээнбекова — своеобразная проба сил Китая в той сфере, где раньше доминировал Запад, — в сфере установления дружественных себе режимов.

— Китаю, я думаю, пока развлекать ЕАЭС никакой выгоды нет, потому что он считает, что этот организм сам по себе не очень долговечный. Зачем пытаться, зля Россию, убить зверя, который сам умрет от старости и болезней? Китай может довольно хитро это использовать для доступа на российский рынок через дырки в заборе, прежде всего через Киргизию.

Очень интересная вещь — военная безопасность. Это сфера, где я вижу нарастающие противоречия между Россией и Китаем. До недавнего времени Россия считала, что складывается отличное разделение труда. Мы поняли, что в Центральной Азии мы не очень про экономику, про экономику — Китай. Ну и отлично: закупайте ресурсы, стройте Шелковый путь и так далее. А мы будем отвечать за безопасность. Китай — это купец, а мы стоим с автоматом Калашникова и выполняем почетную охранную функцию главного военного гегемона.

До недавнего времени это разделение труда работало. Но китайцы развивают в регионе все больше военных инструментов. Они делают это по двусторонним каналам. Они продают и передают оружие местным армиям. Развивают образовательные контакты. Некоторые страны начинают учить своих кадетов в Китае. Во всех странах региона есть программа обучения их военных в вузах КНР. Их число пока несопоставимо с числом людей, которые в России учатся по военным

специальностям, но они есть. Есть уже и военный объект — пограничная база в Таджикистане, открытая без согласия России.

— Ее открыли не просто без согласия, а даже не спрашивая такого согласия в принципе.

— Да, причем важно понимать, что Таджикистан — военный союзник России по ОДКБ. То, что Душанбе не сказал об этом Москве, — одна история. Вторая история в том, что Китай не уведомил Россию и поставил ее, по сути, перед фактом.

Есть и третий элемент. Китай пытается по всем возможным каналам пробить присутствие своих частных военных компаний (ЧВК) для защиты китайских объектов в регионе. Известно, что такие ЧВК либо тесно связаны с Народной-освободительной армией Китая (НОАК), либо это просто передетые кадровые военные. Это основывается на трезвом понимании китайских интересов безопасности. У них главная проблема в том, что через границу с Казахстаном и Киргизией находится Синьцзян-Уйгурский автономный район, населенный уйгурами, часть из которых мечтает отделиться или получить большую автономию. Там построили цифровой концлагерь и пытаются решить уйгурскую проблему путем очень жесткой ассимиляции. Срабатывает эта политика или нет — пока не понятно. Но любой взрыв в Центральной Азии может перекинуться через границу. Если какое-то соседнее государство становится большим Сомали, куда приезжает мировой террористический интернационал, естественно, проблема будет вытесняться на китайскую сторону. Значит, в этих странах нужны инструменты безопасности, которые смогут эту проблему купировать. Поэтому они вкладываются в местные армии и хотят, чтобы у Китая были свои инструменты на местах.

Перед Россией стоит сложная задача: как адаптироваться к неизбежному. В целом у нас с Китаем много интересов совпадает. Вопрос в том, научится ли Россия терпеть большее китайское присутствие и поддерживать

баланс сил, не отдавая все китайцам накуп. Забегая вперед скажу, что единственный способ для России — укреплять суверенитет центральноазиатских стран. Это звучит парадоксально, потому что долгое время Россия занималась размыванием их суверенитета, чтобы сделать их частью своей сферы влияния. Чтобы эти страны не стали китайской добычей, Россия должна быть заинтересована в максимальном укреплении их суверенитета. Это означает значительную перестройку политики.

— Мы говорили об экономике и военной составляющей. А насколько Китай готов включиться в политику своих соседей?

— Есть сигналы, которые показывают, что Китай не будет останавливаться на экономическом доминировании, а заинтересован в полномасштабном влиянии и превращении региона в исключительную сферу своих интересов, где России будет отведена роль младшего партнера. Мое общение с китайскими коллегами показывает, что долгосрочная цель заключается в этом. И сложно думать как-то иначе, глядя на то, как Китай развивается. Китай — вторая, а в скором времени первая экономика мира. Китайская экономика не одномерна, это не нефтегазовая держава, а страна, которая может производить все: от космических кораблей и квантовых компьютеров до кроссовок.

В регионе действительно нет других крупных игроков. Не ясно, почему Китай не должен смотреть на этот регион как на потенциальную сферу своего влияния. Мы видели, что китайская модель поведения в Средневековье — активно вмешиваться в дела сопредельных маленьких стран и пытаться на них влиять, навязывать свои порядки. Киргизия может быть первой ласточкой. Что работает против китайцев и дает России некий шанс на более сбалансированную игру в регионе — это то, что китайская экспансия не остается незамеченной и вызывает огромный страх, замешанный на том, что Китай творит в Синьцзяне в отношении мусульман и тюрков.

Обратно к тысячелетней истине

— экономика —

19 На деле движение, которое проредели центральные азиатские экономики в постсоветский период, часто недооценивается. Экономический спад наступил после распада Союза Центральной Азии, по оценкам Всемирного банка, лишь в 1993 году и достиг пика в 1994-м, уже в 1996 году рост совокупного ВВП пяти стран Центральной Азии составил 1,9%, а до 2008 года устойчиво превышал 5% в год, на пиках (2004 и 2007 годы) составлявший вполне звездные 8,7%. После 2009 года, по итогам мирового финансового кризиса, развитие было не таким быстрым, но до 2019 года 5% роста было медианой, вокруг которой немного колебался ежегодный прирост ВВП. Развитие региона было неравномерным и отличавшимся и по форме, и по содержанию. В Туркменистане ориентировались в основном на госинвестиции, инфраструктуру и газодобычу. В Казахстане — на нефть и международные вложе-

ния, в Узбекистане — на промышленность и химию, доля внешних вложений, в том числе из РФ, была довольно велика. В Киргизии и Таджикистане картина была другой. Тем не менее результаты во многом были схожи. Так, например, к 2015 году региону удалось надежно снизить долю бедных ниже уровня 30% — напомню, в середине 1990-х она в ряде случаев зашкаливала за 70%.

Способ же интеграции не отдельных стран, а Центральной Азии в целом в мировое разделение труда вышел достаточно своеобразным. С одной стороны, Центральная Азия — важнейшая часть центральноазиатской экономики, она уже достаточно существенно интегрирована со всеми странами-соседями в регионе: это явно постсоветский ресурс, это восстановление связей, существовавших всегда. В отношениях Европы, частью которой для Центральной Азии является и Россия, регион — единственный потенциальный донор рабочих рук: демография Цен-

тральной Азии до 2010-х считалась ее проблемой, после — преимуществом. Для всех соседей Центральная Азия — это, с одной стороны, традиционный (уже много тысячелетий) транзит, с другой стороны — поставщик сырьевых ресурсов, которых здесь достаточно много. И, наконец, Центральная Азия — это предпринимательское сообщество, крайне важное в масштабах Азии как таковой и заметное в мировом масштабе. В известном смысле через него регион вернул себе статус одного из ключевых центров мировой экономической активности, существовавших всегда и всегда много значивших для мира — это что угодно, но не мировые задворки.

2020 год поставил перед этой общностью еще одно испытание — и с большой вероятностью последнее, хотя и очень значимое. Видимо, мало где, как в Центральной Азии, понимают сейчас, что такое «парад протекционизма» по итогам пандемии COVID-19. Экспорт рабочей силы из

региона в течение всего 2020 года был проблемным, как и новые проекты, и перемещения, и многое другое — в итоге прогнозом для макроэкономики по динамике ВВП в 2020 году по состоянию на октябрь было значимое падение почти всех страновых ВВП: от 10% в Киргизии до 2,5% в Казахстане. Торговые ограничения, как предполагают эксперты, будут сохраняться и после пандемии, и как минимум этот фактор не позволит рассчитывать на те же темпы роста в регионе, что наблюдались последнее десятилетие.

Ресурсов для увеличения потенциала роста в Центральной Азии, как полагают в том же Всемирном банке, на национальном уровне довольно много (так, например, Узбекистан, консолидировавшийся в 2018 году национальную железнодорожную сеть, уже с 2021 года сможет реализовывать гораздо более широкий спектр проектов, в том числе инфраструктурных, чем ранее), но в глобальном смысле их два. Первый: выход на перегово-

ры о создании более или менее единого интегрированного рынка Центральной Азии с населением более чем 100 млн человек — это огромный игрок. Второй: создание и всем регионом, и отдельными странами торгового альянса с соседями на базе как двухсторонних, так и блоковых соглашений. Кыргызстан уже присоединился к ЕАЭС — крупнейшему постсоветскому торговому блоку, в который входит и Россия. Все страны Центральной Азии так или иначе вовлечены в китайский мегапроект «Один пояс — один путь». С одной стороны, Центральная Азия — это субтопо континентальное понятие: преимущественно морской торговли здесь нет. С другой стороны, это центр континентального баланса экономических сил.

По существу, речь идет о постепенном завершении процесса, начавшегося в 1990-х: Центральная Азия предстоит вернуться уже в современных конвенциях к статусу, которым регион обладал по историческим меркам всегда. Ближайшие несколь-

ко лет можно потратить на попытки разделения и самоизоляции, тем более что поводов для этого будет так же много, как и примеров: — торговая война Китая и США, двух крупнейших экономик мира, наиболее тесно связанных друг с другом, показала, как это бывает, в 2016–2019 годах. Можно — на поиск внутреннего единства — впрочем, это с минимальной вероятностью может стать «центральноазиатский единый рынок» в европейском понимании и даже, видимо, в понимании АСЕАН или Транстихоокеанского партнерства: в Центральной Азии, как показало 30-летие независимости, предельно серьезно относятся к суверенитету. Наконец, можно поставить мир перед фактом, который, по существу, невозможно опровергнуть: Центральная Азия существует, она такая, какой она предпочитает быть внутри себя, и это невозможно игнорировать — хотя бы потому, что это выгодно и Центральной Азии, и всему миру.

Дмитрий Бутрин